

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Павлодар мемлекеттік педагогикалық институты
Ресей Федерациясының Білім және ғылым министрлігі
Алтай мемлекеттік педагогикалық университеті
Г.Н. Потанин атындағы Павлодар облыстық тарихи-өлкетану музейі
Ф.М. Достоевский атындағы Омбы мемлекеттік университеті

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Павлодарский государственный педагогический институт
Министерство образования и науки Российской Федерации
Алтайский государственный педагогический университет
Павлодарский областной историко-краеведческий музей им. Г.Н. Потанина
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**Ертіс, жоғарғы Обь өңірлеріндегі
және Алтайдағы далалық зерттеулер
2015 ж.**

***Этнография, ауызша тарих
11 басылым***

*XI халықаралық ғылыми – практикалық конференция материалдары,
2016 ж. 21-22 сәуір*

**Полевые исследования в Прииртышье,
Верхнем Приобье и на Алтае
2015 г.**

***Этнография, устная история
Выпуск 11***

*Материалы XI международной научно-практической конференции,
21-22 апреля 2016 г.*

1 том

Павлодар-Барнаул • 2016

УДК 39+93 (063)
ББК 63.5+63.3

Жауапты редакторлар:

Т.К. Щеглова, тарих ғыл. докт., **М.А. Демин**, тарих ғыл. докт., **И.В. Толпеко**, тарих ғыл. канд., **Т.Н. Смагулов**, археология-этнологиялық және палеонтологиялық зерттеулер ФПО директоры, **Е.К. Абеуова**, археология-этнологиялық және палеонтологиялық зерттеулер ФПО ғылыми қызметкері.

- Е 74 Ертiс, жоғарғы Обь өңiрлерiндегi және Алтайдағы далалық зерттеулер 2015 ж.:** этнография, ауызша тарих. 11 басылым: XI халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Павлодар, 2016 ж. 21-22 сәуір. 1 том / ред. **Т.К. Щеглова, М.А. Демин, И.В. Толпеко, Т.Н. Смагулов, Е.К. Абеуова.** – Павлодар: ПМПИ ; Барнаул: АМПУ, 2016. – 259 б.

Жинақта XI халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары басылымға шықты.

Басылымда этнография және ауызша тарих аясында ғылыми, біліми, мұражайлық және басқа да орталықтардың зерттеу нәтижелері көрсетілген.

Жинақ тарих, этнография, мұражайтану, өлкетану, сонымен қатар жергілікті тарих және мәдениетке қызығушылық танытатын мамандарға арналған.

УДК 902 (571) (05)
ББК 63.48 (253) я431 + 63.48(543) я431 + 63.529(541) я431

Ответственные редакторы:

Т.К. Щеглова, д-р ист. наук, **М.А. Демин**, д-р ист. наук, **И.В. Толпеко**, к.и.наук, **Т.Н. Смагулов**, директор НПЦ археолого-этнологических и палеонтологических исследований, **Е.К. Абеуова**, научный сотрудник НПЦ археолого-этнологических и палеонтологических исследований

- П 49 Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.:** этнография, устная история. Вып. 11: материалы XI международной научно-практической конференции. Павлодар, 21-22 апреля, 2016 г. Том 1. / под ред. **Т.К. Щегловой, М.А. Демина, И.В. Толпеко, Т.Н. Смагулова, Е.К. Абеуовой.** - Павлодар: ПГПИ ; Барнаул: АлтГПУ, 2016. -259 с.

В сборнике публикуются материалы XI международной научно-практической конференции. В издании представлены результаты исследований научных, образовательных, музейных и других центров в области этнографии и устной истории.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, этнографии, музееведения, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

ISBN 978-601-267-053-0
978-601-267-054-07

© Павлодар мемлекеттік педагогикалық институтты, 2016.

© Алтай мемлекеттік педагогикалық университетті, 2016.

© Павлодарский государственный педагогический институт, 2016.

© Алтайский государственный педагогический университет, 2016.

6. Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии: сб. материалов и ст. / под общ. ред. А. А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 8-33.

7. Подпоренко Ю. Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // Дружба народов. 2001. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://mytashkent.uz/2015/04/27/bespraven-no-vostrebovan-russkij-yazyk-v-uzbekistane>.

8. Цыряпкина Ю.Н. Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере города Ангрена) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 98-103.

9. Цыряпкина Ю.Н. Русский язык и социолингвистическая ситуация в Узбекистане // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6. С. 505-510.

Т.К. Щеглова

*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул,
Российская Федерация*

Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли²²

Аннотация. Ловля сусликов рассматривается как форма адаптации семьи русских сибиряков к военному времени в условиях завершившейся коллективизации и «раскрестьянивания». Выделяются и характеризуются половозрастные группы участников в соответствии с целями ловли сусликов, вводятся временные рамки промысла, его виды. Выявляются и анализируются этнокультурные традиции и новации в орудиях и способах промысла у этнотерриториальных групп русского населения в разных природно-географических условиях. Описываются способы и рецепты введения субпродуктов сусличьего промысла в семейную и колхозную бригадную систему питания и заготовок на зиму.

Ключевые слова: война, русская колхозная семья, промыслы, питание, традиции, новации.

Питание является важной составляющей культуры производства и культуры жизнеобеспечения народов как в повседневных, так и экстремальных условиях жизнедеятельности [3, с. 5-6, 80]. Эти две сферы традиционной культуры выполнили в годы войны защитную функцию, оградив сельское население тыловой Сибири от голода и холода. В этом аспекте представляет большой интерес рассмотрение созидательного значения традиционных культур народов в контексте исторических событий XX–XXI вв., многие из которых сопровождались

²² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-01019 а1 "Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации" (рук. д.и.н. Т.К. Щеглова)

ухудшением условий жизни общества: войн, репрессий, многочисленных кампаний по переустройству деревенского мира, ведущих к массовым переселениям и миграциям. Народы России в течение многих веков формировали системы преодоления трудностей и способы борьбы с неблагоприятными факторами. В совокупности этот народный опыт был востребован в годы Великой Отечественной войны мирным населением тыловых регионов России, в том числе русскими сибиряками.

В данной публикации автор ставит задачу проанализировать на примере сусличьего промысла адаптационные возможности крестьянского общества к неблагоприятным условиям жизнедеятельности. Источниковой базой данной публикации являются материалы полевых исследований 2014-2015 гг. в ходе реализации гранта под руководством автора на территории регионов с разными природно-климатическими условиями, этническим и этнокультурным составом (Романовский, Благовещенский, Краснощековский, Залесовский районы Алтайского края) [26].

Традиционная система питания русского сельского населения базировалась на использовании растительного и животноводческого сырья, производимого семейным коллективом. Раскрестьянивание и военное время привело к существенным изменениям как в области ассортимента и иерархии ценностей продуктов, так и в способах их производства и употребления. Автор уже писала о заместительных технологиях в производстве и потреблении растительной пищи – семейного земледелия собирательством дикоросов, а окультуренных традиционных злаков (пшеница, просо и др.) – дикоросами (рыжик, сурепка, лебеда и др.) и суррогатами (жмых и др.) [21, 25]. Такие же тенденции наблюдались в производстве и использовании в питании животноводческих продуктов. Крестьянская семья вынуждена была дополнять семейное скотоводство ловчими промыслами грызунов, охотой на диких животных и рыбалкой, а белковые и жировые продукты дополнять субпродуктами промыслов, которые изымались из окружающей среды.

Такой поворот от производящего к присваивающему хозяйству являлся для русского сельского сообщества не чем-то кардинально новым, а проявлением традиционной сбалансированности крестьянской экономики с «кормящим ландшафтом» и заместительными технологиями традиционной системы преодоления трудностей. Благодаря этому суслики и другие объекты ловчих промыслов в годы войны перешли в разряд основных белковых продуктов питания, заменив мясо и жир домашних животных, и не только в повседневном рационе, но и в

праздничной пище. Контент-анализ устных исторических источников показывает, что слово «суслик» встречается в материалах интервью в сочетании со словами «деликатес», «лакомство», «праздник»: «Мясо суслика для нас было настоящим деликатесом» [20, Ткачев Александр Афанасьевич 1927 г. р., с. Гуселетово], или: «Выловишь в поле суслика – праздник, самое лучшее мясо» [20, Ельников Александр Тарасович. 1930 г.р., с. Сидоровка]. «Особым лакомством были ягоды и суслики» [20, Краснова (Смоликова) Зинаида Ильинична. 1933 г.р., с. Грановка]. Или: «На праздник сусликов ловили» [7]. В этом смысле изучение сусличьего промысла позволяет измерить глубину социально-экономических последствий войны для русского населения глубокого тыла.

Взросшее значение сусличьих промыслов в культуре производства и жизнеобеспечения русских сибиряков объясняется безотходностью получаемого продукта: мясо и жир сусликов шли в пищу, шкурки – на изготовление зимней одежды, шапок, рукавиц, даже обуви. В системе питания они использовались одновременно как для создания запаса на зиму (заготовка жира и засолка тушек сусликов), так и для повседневного пропитания в весенне-летний период. Как рассказывал один из участников этих промыслов, «... вот ловили, чтоб кушать... Они вкусны да хороши. Поймают, обдерут его. Ну, они жирные, как поросята! Дак а там жиру было! Накапывали прям по ведру! Они же пшеничку едят... Их не варили, а тушили, жарили в чугушке. Чугуны вот таки были... Вот нажарят... Да, когда с крупой, когда с картошкой, когда как» [4]. Сравнивая с мясом домашних животных, многие говорили, что у суслика «мясо похоже на курицу» [8], другие сравнивали их с кроликами. Таким образом, мясо сусликов ставили в один ряд с диетическим продуктом и объясняли это тем, что «мясо сусликов жирное очень, они же на хлебе [питались]...» [5]. Пищевая ценность в условиях голода и отсутствия в питании белкового продукта русской традиционной кухни – мяса домашних животных подкреплялась обостренным вкусовым восприятием. Как говорят респонденты, «мы... ловили сусликов, и, извините, мы их кушали. Тушили мясо. И такое, знаете, вкусное, потому что мы были голодные» [6]. Обостренные голодом вкусовые ощущения, вопреки предубеждению против использования полевых грызунов в питании, окрашены в памяти респондентов положительными эмоциями: «О! Хорошее мясо было. Ловили-ловили. Нажаришь – такая вкусная! Хорошее мясо с них было...» [9]. В результате можно говорить, что ловчий сусличий промысел в годы войны был «непосредственно направлен на поддержание жизнедеятельности» крестьян [2, с. 5, 106].

Основным сезоном промысла сусликов являлись весна и ранее лето (зимняя спячка зверька заканчивалась в мае; после 15 августа суслики впадали в спячку). И это было важно в системе жизнеобеспечения сельского населения, так как ранняя весна была самым голодным временем: заканчивался заготовленный на зиму провиант. Респонденты говорили: «Тяжелее всего было зимой – и голодно, и холодно, а летом жить было можно и детям, и подросткам, и старикам». Суслики стали основой белкового питания крестьян в весенне-летний период: «Нас постоянно мучил голод. Летом нас спасали суслики. Мы выливали их из норок, а потом жарили туши – это просто объеденье. Жили на траве и на сусликах» [20, Левченко (Сыромолот) Надежда Константиновна, 1933 г.р., с. Гуселетово]. Место сусличьего промысла охарактеризовано в следующей цитате: «От голода спасали суслики, которых мы ловили и употребляли в пищу» [20, Раков Василий Павлович. 1937 г.р. с. Сидоровка.]. «Ели мясо сусликов» [20, Гоппе (Лемза) Мария Даниловна 1935 г. р., с. Романово].

Ловчий промысел суслика не только имел большое значение в системе жизнеобеспечения в борьбе с голодом и холодом, но и был одним из основных способов зарабатывания денег в колхозном натуральном производстве. Поэтому по целеполаганию нами выделяются два вида сусличьих промыслов:

1) как добыча для повседневного пропитания нетрудоспособного населения;

2) как промысел для обмена сусликов на деньги и продукты. От этого зависели и состав участников промыслов, и орудия ловли, и способы ловли, и назначение продуктов промысла. В первом случае они являлись частью адаптационной повседневной практики и стратегии выживания тылового населения сибирской деревни. По характеру этот промысел являлся «присваивающим»; орудия труда фактически не использовались. Во втором случае ловля сусликов превращалась в профессиональный промысел с использованием разных приспособлений.

Участниками ловчих промыслов для пропитания было практически все население деревни. Но наиболее активными являлись младшие поколения крестьянской семьи – дети дошкольного и младшего школьного возраста, те, кого сейчас принято называть «детьми войны», те, кто остался без попечения взрослых, так как мужчины были мобилизованы на боевой фронт, а женщины – на трудовой. Для них ловля сусликов являлась способом утолить голод и стояла в одном ряду со сбором дикорастущих трав, ягод и плодов: «Питались кто чем мог. Я ловил сусликов, с младшими братьями собирали грибы, траву» [20, Красносельский Алексей Иванович, 1934 г.р., п. Бурановка]. Для этого

не требовалось ни особых орудий ловли, ни значительных усилий. Достаточно было иметь тару для воды (котелки, ведра). В ней приносили воду и выливали в норки сусликов. Сусликов сразу свеживали, разделявали и готовили. И в этой же таре варили добычу на костре. Г.П. Кондрашева, которой в начале войны было 3 годика, вместе с братьями ежедневно ходила в поле: «Ловили сусликов – это было наше излюбленное занятие. Потом этих сусликов обдирали, мясо варили, ели. Я тоже с удовольствием уплетала этих сусликов...» [1, с. 181].

Для социально незащищенных категорий детей, сирот из семей сибиряков, детей из семей «врагов народа» или депортированных народов сусличьи промыслы стали средством выживания. Так, детей из депортированных немецких семей завезли в сибирские села по осени 1941 г., перед зимой. Как правило, они довозили скарб, который умещался в узелках или сундуках; продукты питания съедали за долгую дорогу. Как говорили русские старожилы, «они... приехали – ничего же нету, ни одежды, ни посуды, ничего, кто-то если даст, а так жили плохо» [18]. Зиму депортанты пережили за счет обмена привезенных вещей на продукты питания. Начинаясь весну пережили за счет сбора мерзлой картошки на огородах, колосков на полях и весенней травы [22], а в мае спасением стали суслики: «От голода мы спасались сусликами, ловили их и готовили, и варили, и жарили» [20, Гибельгаус Петр Петрович, 1936 г. р. пос. Тамбовский]. В последующие годы дети в немецких семьях, трудоспособное население которых было массово мобилизовано в трудармии, также занималось ловлей сусликов: «После отца в трудармию забрали старшего брата. Другой старший брат стал работать в колхозе. Мать не видели месяцами. За старшего в нашей семье остался я – и за отца, и за мать. Должен был сварить какую-нибудь похлебку, а для этого надо было найти какую-нибудь зернинку. Собирал колос, мерзлую картошку. Большим праздником было, когда я мог поймать суслика» [20, Герман Андрей Алексеевич, 1931 г.р., пос. Тамбовский].

Другой группой участников ловли сусликов были подростки. Они часто возглавляли группы детей войны, промышлявших для пропитания. Но самостоятельным явлением повседневных практик стало формирование из подростков групп промысловиков, профессионально занимающихся ловлей грызунов и других мелких зверьков (кротов, хорьков, хомяков и др.) для зарабатывания денег в колхозной семье. В этом проявлялась самостоятельная ценность сусличьих промыслов – «шкурки сдавали, давали деньги» (В.А. Воронина), также в заготсети принимали жир сусликов. Промысловая ловля сусликов существовала в виде индивидуального или коллективного занятия: «Мальчишки ловили

капканами или выливали из норок, шкурки сдавали в заготконтору (пункты Заготсети. – Т.Щ.). За это ещё и деньги давали!» [20, Гоппе (Лемза) Мария Даниловна, 1935 г.р., с. Романово]. Взрослым «в войну ловить сусликов было некогда, месяц могли не выпускать из бригады» [20, Ткачев Александр Афанасьевич, 1927 г.р., с. Гуселетово]. На промысел выходили с весны и на все лето, пока суслики не залегали на зимнюю спячку.

По составу сусличий промысел был «мужским»: «Сусликов ловили мальчишки, выливали в норки» [10]. Ловля сусликов требовала ловкости. Как показывают материалы интервью, мальчики начинали заниматься ловлей сусликов уже с 6-7 лет: «Михаил с шести лет с пацанами-приятелями научился ловить сусликов. Их тогда было очень много. Снимал шкурки с них, выделывал и сдавал за копейки в заготконтору, а мать с мясом сусликов тушила нам картошку» [20, Бескоровайна Полина Алексеевна, 1941 г.р., с. Романово]. Но промысловые группы обычно формировались из подростков 8-11 лет. В отличие от младших «детей войны», промысловики использовали для поимки сусликов специальные орудия - капканы. Обучались использованию капканов в процессе ловли. Об этом говорит следующий отрывок из интервью одного из «промысловиков»: «Когда подрос, лет 6-7, появился капкан. И за сусликами... Капкан поставишь, палец туда засунешь и бежишь кричишь... А вот уже «первого [суслика] постарше поймал... По 60-70 потом в день ловил. Толстый, хороший, жирный. Себе жарили. Жир сливала мать в бидон. Ходил в Закладное, сдавал жир... шкурки – 3-5 коп. за шкуру, хорошие шкурки – 5-6 коп.». Братья Г. П. Кондрашевой «шкурки сусликов тогда сдавали, и за них платили хоть немного денег» [1, с. 181]. Облик подростков-промысловиков интервьюируемые описывали так: «Ходили подпоясавшись, и на поясе висели тушки выловленных и забитых сусликов».

Сусличий промысел закрепил хозяйственный мужской статус промышлявших подростков в семейном коллективе, так как его результаты были адекватны вкладу взрослого хозяина семьи: мясо и жир использовались для питания, шкурки и жир сдавали за деньги; мех и шкурки выделывали и использовали для пошива шубок, шапок и т. д. Р.Д. Сычева так рассказывала про знакомых подростков, которые «шкурки снимали... кто [сам] выделывал хорошо...» [5] и шил. Таким образом подростки превращались в кормильцев семьи, что в целом соответствовало их месту в традиционной системе жизнеобеспечения русской сельской семьи. В годы войны их ответственность возрастала, мальчики-подростки стали выполнять функции отцов и глав семей. Респондент В. С Гребенюк (1935 г. р.), которому было 7 лет, вдвоем со

старшим братом обеспечивал всю семью и питанием, и одеждой, и деньгами «Сусликов ловили, ели. Брат их ловил. Мама жарила в чугушке, жир сливала, а мясо ели. Брат капканами ловил, шкуры собирал и сдавал. За это крупы давали, одежду армейскую хорошую».

Промысловую деятельность подростков осложняло то, что заготовители и заготпункты были далеко не во всех населенных пунктах, а лишь в крупных селах или в райцентрах. Необходимо было решать вопросы доставки. Спасали разъезды по селам заготовителей от контор, которым сдавали шкурки полевых грызунов. От деятельности заготовителей зависело население большинства сел региона. В Краснощековском районе – это удаленные горные села Усть-Козлуха, Усть-Чагырка, Усть-Белое и др. Как рассказывала М.Е. Харлова, «был заготовитель, вот... [шкурки сусликов] собирал... А вот... [заготконтора], по-моему, в Краснощеково [райцентр] была, не здесь [Усть-Козлуха]». Она же рассказывала, как готовили к сдаче шкурки суслика: «Их, знаешь, обдерут... разомнут его лапочки... он засохнет, высохнет. И тогда его собирают. Шкурочек этих насобирают. Их отоваривали... кто сдавал шкурки» [9].

Третью группу сельчан, участвующих в ловле сусликов, составляло взрослое трудоспособное население, проживающее в период сезонных сельскохозяйственных работ сутками и неделями на выездных бригадах и станах. Как правило, сусликов ловили мужчины для общественного питания колхозников в бригадах, варили женщины – бригадные повара: «Большим подспорьем в питании стали суслики. Ловили их чаще выливанием воды в норы. На полевом стане была большая общественная баня. Котел в ней стоял огромный и мог вместить десятки тушек сусликов для жарки. Словом, летом можно было жить» [20, Крымский Иван Васильевич. 1931 г.р., с. Романово]. Н.И. Бердюгин объяснял, что сусликов ели, так как «в бригаде жили по месяцу. Бочку воды на быке нальешь... наловишь. Сусликов заколем, порежем... С картошкой нажаришь – мясо вкусное» [11]. Особенно нуждались в мясе сусликов, по словам респондентов, «мужики», которым в условиях отсутствия другой белковой и жирной пищи необходимо было компенсировать тяжелые физические затраты: «Сусликов ели. Они очень жирные... мясо тушили. В бригаде мужики ели» [12]. Даже «были соревнования между бригадами. Сусликов ловили, приносили в бригаду, чистили и заваривали» (Карпово, Краснощековский район). Побочный продукт в виде шкурок, получаемых от ловчих промыслов «бригады», также сдавали. Как рассказывал работавший в бригаде Н.М. Скафенко (1929 г.р., с. Чинита), участник промысла: «Шкуры сдирали, мясо варили. Шкурки собирал заготовитель...» [16].

Важно рассмотреть способы ловли сусликов и традиции заготовки субпродуктов. Анализ устных свидетельств показывает, что они основывались на знаниях образа жизни сусликов. Респонденты поясняли, что суслики обустроивали свое подземное жилище в виде короткой норы, имевшей всего один вход, который являлся и выходом. Как говорят респонденты, «нора почему-то прямая у них» [9]. Это делало суслика легкой добычей, в отличие от других животных, например кротов. В.П. Епифанцев рассказывал: «Суслика легче [ловить]. Крот-то везде ходит, а суслик делает одну норку. Суслик заготавливает на зиму [зерно], часто выходит-заходит... ставишь капкан... Ну, мы ребятами еще были, после школы водой выливаешь. Хорошо! Он делает прямую норку. Воды налил, ведро, полтора, два ведра... И он сам вылезит» [1, с. 316].

Поэтому наиболее распространенным способом ловли суслика было выливание водой. Особенно в степных переселенческих районах Алтая (Романовский и Благовещенский). Иногда их выкуривали, раскладывая костер около входа. Участники промысла рассказывали: «В войну у детей был самый простой способ охоты на сусликов: их выливали водой... Водой нору зальют, он выбежит мокрый, а они его хватят...» [5]. При вылипании водой чаще промышляли вдвоем или группой: один выливал, другой караулил и в нужный момент хватал выскакивающего зверька. М. Е. Харлова, которая провела все военное детство под опекой старшей сестры, так рассказывала о совместных походах за сусликами: «Мы их ловили руками.... Пойдет там сестра Тамара [в горы], и я с ней. <...> Она покажет [на суслика]: «Машка, вон!» И я как побегу его загонять. Надо же его загнать в ямку [норку]. Он в ямку, и тогда ловишь. Только около речки. А тогда Тамара котелком караулит, чтобы он не вылез» [13]. Н.С. Пожидаева (1931 г.р., с. Новошипуново) также с сестрами «сусликов ловила, водой выливали» [17].

В предвоенные 1930-е гг., в период массовых кампаний по истреблению сусликов как вредителей колхозного производства, когда устанавливались нормы по их истреблению, способ ловли выливанием воды считался хищническим [23, 24]. В нормативных документах указывалось: «Особое внимание обратить на борьбу с хищническим истреблением суслика-песчаника (выливание водой, выкуривание). Обязать РИКи²³ и заготовителей установить строгий контроль» [19]. В 1930-е гг. декларировалась ловля суслика капканами, но война вернула крестьянское общество к архаичным способам. Такой «варварский» способ, несмотря на распространение капканов, сохранялся в деревне до

²³ Районные исполнительные комитеты.

1960-х гг.: «Когда я уже работала учителем начальных классов, нас заставляли ездить с учениками ловить сусликов. Собираю свой класс, нам дают одноконку-тележку, и один конь запрягался. И стоит бочка на этой телеге, она полная налита воды. Мы брали ведра, и вот из этой бочки наливали в ведро воды и ходили, искали норки... Заливаем туда воду, в эту норку. Залили, а когда вода туда-то пошла, суслик откуда вылезает, а ребяташки уже стоят. Вот, раз, хватают его, и кого укусит, если неудобно [схватил] — орут, им же больно. <...> Потом их ребяташки обдирали, шкурки сдавали, а им за это давали какие-то копейки...» [6].

Вторым способом ловли сусликов было использование в качестве орудия петель из конского волоса, как их называют, «удавки». Такой способ был зафиксирован в предгорных и горных районах Алтая (Краснощековский и Чарышский районы) с преобладанием старожильского населения. В старожильской традиции петли изготавливали из конского волоса. В семейной экономике старожилов предгорной и горной части Алтая коневодство занимало большое место. Этому способствовало и наличие казачьих пунктов оборонительной линии, и контакты со скотоводами-казахами и коренными тюрками Алтая. С помощью петель крестьяне ловили сусликов, кротов, хорьков и даже зайцев, а в XIX в. — соболей и куниц.

Сохранение навыков изготовления прочных нитей из конского волоса являлось частью тех традиций крестьянской культуры, которые послужили подстраховкой сельскому обществу в годы войны. Интересно, что изготовлением этих конских веревок и нитей из конского волоса, по рассказам респондентов, занимались мужчины преклонного возраста — бывалые старожилы. Вот как рассказывает об этом М.Е. Харлова, использовавшая петли для ловли сусликов вместе с сестрой Тамарой: «Так ловили — были эти какие-то [петли]. Их поставишь на дырочку и отойдешь от этой [норки]. А их [сусликов] много было. А ему надо вылезти. Он раз, и задавился... [Петли] из какой-нибудь веревки [конской]... нам... дед давал... от хвоста [коня]. Или откуда отрежет. И Тамара у меня так сплетет ее [веревку из волоса]. И сделает. И сам он делал. Дед плел нам. И вот мы ловили этих сусликов» [13]. В экспедиции зафиксированы присловья в среде русских старожилов Алтая о том, как красавца жеребца с пышной гривой и хвостом, любимца всей деревни, находили с выщипанным хвостом.

Но и в старожильческих районах в сусличьих промыслах использовали выливание водой. Респонденты предгорных и горных сел Верх-Камышенка, Карпово, Ново-Шипуново так и говорили: «Водой выливали. Петли потом ставили из конского волоса» [14]. Но можно

заметить определенную тенденцию: сусликов «выливали» на территориях вблизи водоемов, озер, рек, а петли использовали на удалении от них, например в горах. Объяснялось это тем, что нести достаточное количество воды на большие расстояния или на горы было тяжело, особенно детям. По этим же причинам в таких случаях часто использовали капканы: «Воду-то на гору надо нести, выливать, с собой. [Поэтому] капканы ставили» [9]. Н.М. Скафенко вспоминал, как в бригаде для заготовки большого количества «сусликов ловили капканами» [16]. Поэтому можно говорить о разнообразных способах ловли в предгорных и горных регионах Алтая, что подтверждает следующий отрывок интервью: «Сусликов ловили капканами, петлями, водой выливали. Шкурки заготавливали, сдавали» [15], тогда как в равнинных районах, обеспеченных водой, преобладало «выливание».

Частью адаптационных практик в военной повседневности стали традиции заготовки белковых продуктов на зиму. Заготовка мясных субпродуктов сусличьего промысла на зиму в годы войны, как и раньше в крестьянской культуре, производилась с помощью засолки. В полевых исследованиях в западных степных переселенческих районах Алтайского края с обилием соленых озер были зафиксированы традиции засолки тушек сусликов целиком. Например, в селах Мормыши, Гуселетово, Бурановка Романовского района: «Летом драли соль за Мормышами [на соленых озерах] и продавали. Для тех, кто работал, хоть кашу сварят. Сусликами питались...» [20, Пашнев Алексей Иванович, 1932 г.р., с. Бурановка]. Освежеванные и обезглавленные тушки солили и хранили в бочках под гнетом всю зиму. В крестьянской культуре засолка и сушка белковых продуктов была хорошо известна: крестьяне в межсезонье использовали в питании и соленое сало, и вяленое мясо в сыром виде. Но засоленных сусликов ели только в тушеном виде, и для приготовления блюд их предварительно вымачивали.

Таким образом, промысел сусликов стал своеобразной альтернативой домашнего мясного скотоводства. Он не требовал сложных или дорогостоящих орудий ловли, а его результаты сбалансировали пищевой рацион крестьянской семьи, особенно детей. В этом смысле ловчий промысел сусликов спас военную деревню, явившись реализацией замещающих технологий традиционной культуры в обеспечении голодающей деревни белком: «Семья выживала, как могла. Питались в основном травой и падалью. Летом ловили сусликов, обдирали, варили и жарили... Хлеба видели мало» [20, Корабельникова И.Е., 1932 г.р., с. Мормыши]. В целом произошло перемещение базовых мясных и жировых продуктов свиноводства и овцеводства на периферию крестьянской системы питания, а субпродуктов сусличьего промысла – в

базовые продукты. Изменения, произошедшие и в культуре производства, и в системе питания как составных частях культуры жизнеобеспечения семьи русского сельского населения, свидетельствовали о значительном адаптационном потенциале традиционной культуры и ее подстраховочном значении в жизненных стратегиях русских сибиряков в трудных условиях военного времени.

Shcheglova Tatiana

Altai state pedagogical university, Barnaul, Russian Federation

Gopher trapping and the system of nutrition of collective farm Russian family during the Great Patriotic war: participants, kinds of trapping, ways and means of hunting

Annotation. Gopher trapping is viewed as a form of adaptation of Russian Siberian family to the war period under the conditions of completed collectivization and «defarming». The author points out and characterizes age and gender groups of participants according to the objectives of gopher trapping, introduces time periods of gopher trapping and its kinds. The papers finds out and analyzes ethno-cultural traditions and innovations in means and ways of hunting typical of ethno-territorial groups of Russian population under different natural-geographic conditions. The author describes the ways and recipes of introducing by-products of gopher trapping into household and collective farm brigade system of nutrition and preservation for winter time.

Keywords: war, Russian collective farm family, trapping, nutrition, traditions, innovations

Источники и литература

1. Алтайская деревня в рассказах её жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; науч. ред.: Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева; под ред. Л.А. Вигандт. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 447 с.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. М.: Наука, 1989. 247 с.
3. Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М.: Весь мир, 2004. 216 с.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Гуселетово. Зиброва Анастасия Романовна, 1922 г.р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Гуселетово. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, п. Майский. Дворянкина Мария Тихоновна, 1933 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощековский район, с. Новошипунovo. Зиланков Михаил Селантьевич, 1942 г.р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощековский район, с. Карпово. Коротких Зинаида Яковлевна, 1933 г. р.
10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощековский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Егоровна, 1933 г. р.

11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Верх-Камышенка. Трифонкина Александра Николаевна, 1939 гр.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Усть-Пустынка. Бердюгин Николай Иванович, 1937 гр.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Карпово. Марфенко (Измайлова) Валентина Ивановна, 1939 гр.
15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 гр., Харлов Александр Николаевич, 1959 гр.
16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Верх-Камышенка. Воронина Александра Васильевна, 1931 гр.
17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Карпово. Астахов Василий Романович, 1943 гр.
18. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Чинета. Скафенко Н.М., 1929 г. р.
19. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощекровский район, с. Новошипуново. Пожидаева Н.С., 1931 гр.
20. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Залесовская экспедиция 2015 г.: Залесовский район, с. Залесово. Коровина (Кадникова) Екатерина Крысановна, 1937 гр.
21. Постановление Совета Народных Комиссаров КАССР № 59 «Утверждение плана заготовок суслика-песчаника на 1934 год». // История Актюбинской области: [сайт]. URL: <http://myaktobe.kz/archives/11632> (дата обращения: 11.01.2015).
22. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
23. Щеглова Т. К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга. Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 40-49.
24. Щеглова Т. К. Мир времени истории в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941-1945 гг. сельского населения Сибири // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие [Электронный ресурс]. Сб. ст. по материалам международной междисциплинарной конференции «Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие» (Саратов, 25-26 сентября 2015 г., СГТУ имени Ю.А. Гагарина). Саратов, 2015.
25. Щеглова Т. К. Мобилизационная экономика крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны: ловчие промыслы на сусликов и собирательство яиц дикой птицы в системе жизнеобеспечения тылового сельского общества Сибири // Сибирь в Великой Отечественной войне: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27-28 апреля 2015 г.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, Параллель, 2015. С. 72-81.

26. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 379-389.

27. Щеглова Т. К. Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 35. С. 174-184.

28. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Науч. и метод. материалы. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. 132 с.

О.С. Щербакова

*Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул, Российская Федерация*

**Рождественские обрядовые обходы дворов в этнокультуре русин
Закарпатья в 60-70-е гг. XX в. (по материалам экспедиционных
записей от переселенцев Алтая)**

Аннотация. В статье приводится описание локальной традиции рождественских обрядовых обходов дворов у русин Закарпатья, бытовавших в этнокультуре села Крайниково Хустского района Закарпатской области в 60-70-е гг. XX в. Запись проведена автором статьи от русин, переселенцев Алтая конца XX в. в с. Топчиха в январе 2015 г.

Ключевые слова: восточные славяне, русины, рождество, обрядовый обход дворов, колядование, вертеп, ряженые.

Особенности бытования народных традиций в иноэтническом окружении как в активной форме, так и в пассивном хранении в памяти переселенцев – один из интереснейших аспектов современной фольклористики. Особое внимание приобретают экспедиционные записи, сделанные исследователями от малых народов. Алтайский край богат представительством множества национальностей, культурные традиции которых принадлежат и отражают различные периоды освоения региона, в том числе и современные миграционные волны. В настоящей работе мы раскроем локальную традицию бытования рождественских обрядовых обходов дворов русин Закарпатья, бытовавшую в этнокультуре с. Крайниково Хустского района Закарпатской области в 60-70-е гг. XX в. Запись проведена О.С. Щербаковой и студенткой специализации

В. М. Кимеев	
Современные шорцы: два народа — две культуры	77
Е. А. Коляскина	
Женщина и мужчина в русской деревне Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.: итоги этнографического исследования гендерных стереотипов и социальных практик.....	81
О. С. Мамонтова	
Традиции и новации в пище казахов Угловского района Алтайского края.....	86
М. В. Москвина	
Женские накосные украшения в праздничных практиках коренного населения Алтая.....	92
И. И. Назаров	
О практике возрождения кумандинцами Алтайского края обряда «Кочо-кан».....	97
О. О. Неверова	
Годонимы села Топчиха Топчихинского района Алтайского края: классификация в семантическом аспекте.....	103
И. Н. Никулина	
Рецензия на книгу Антония Кучинского «Поляки в Казахстане. Ссылки, наследие, надежда, возвращение»	106
М. А. Овчарова	
Свадебный обряд мордвымокша Залесовского Причумышья: трансформация традиций.....	109
В. В. Подолько	
Деятельность современного казачества на территории Северного Казахстана	117
Е. В. Самушкина	
Места памяти алтайцев в музейных практиках: воспроизводство этнической идентичности (конец XX — начало XXI в.).....	122
А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева	
Новые экопоселения как объект полевого этнографического исследования. 127	
Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев	
Зайсан в народной памяти кош-агачских казахов.....	132
М. Н. Тихомирова	
Изделия из пресного теста как отражение этнокультурной истории татар Тарского района Омской области (правый берег Иртыша).....	138
Д. А. Фролова	
Символика креста в похоронном обряде старообрядцев Красногорского района	143
Ю. Н. Цырякина	
Русский язык в постсоветском Узбекистане: практика использования и дальнейшие перспективы.....	146
Т. К. Щеглова	
Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли.....	152